Элчан-Кайя / повесть

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Элчан-Кайя / повесть ЭЛЧАН-КАЙЯ

I.

Ветер дул с моря. Плотный, тяжелый ветер. Налег на город и на порт. Все окошки захлопнулись, все ворота рты зажали, голые деревья спиной повернулись, и полохнул дождь. Не дождем, а будто камнями кто с неба кидал: зло и метко. В рожу, за шиворот, ляпнет в глаз. И все побежали и спрятались в домах. Закрылись, законопатились. Зажгли свет, а дети залезли на кровать и шептались тихо.

А греку Христо нельзя было бежать. Он стерег в порту мешки. Мешки были покрыты брезентом. Ветер рвал брезент, а Христо ловил его за угол, и его подбрасывало на воздух и ударяло о мостовую. Черная собака лаяла на брезент, металась и хватала Христо за штаны.

Такой был ветер.

Христо был сильный человек, он прикатил огромные камни, навалил, прижал брезент и ругался, чтоб не заплакать.

Большое парусное судно, что стояло на рейде, подняло якорь, поставило крохотный парус, как платочек, и понеслось в порт, в ворота: не могло выдержать погоды.

Христо забился в угол, а собака стала моститься ему под пальто.

Зыбь била в портовую стенку, и брызги фонтаном летели вверх – выше мачт.

Ветер принес тучи, нагнал темноту и завладел всем.

II.

Христо сидел на дворе и стерег брезент. Христо думал: теперь уж никого в море нет. Суда ушли в порт, а люди под крышу. Одно только судно в море не спустило парусов: каменный корабль Элчан-Кайя. Ему все нипочем.

Много чего рассказывали про каменный корабль. Чего только не выдумывали! И турки одно, а греки другое. Будто шел корабль на недоброе дело, совсем уж к берегу подходил и вдруг окаменел. Как был со всеми парусами, со всеми людьми.

И верно: когда издали смотришь, днем на солнце – горят паруса, накренившись на бок, пенится в волнах корабль – и все ни с места. А подойдешь – это скала торчит из моря. Какой же это корабль?

Но турки говорят: давно это было, давно окаменел корабль, и море размыло, разъела вода каменные паруса и снасти. Чего люди не выдумают!

Говорят же, что по татарским кладбищам клады закопаны. Копни только – и море золота. Врут люди. А кто и выкопал, разве скажет?.. Врут и про Элчан-Кайя, просто торчат из моря дикие скалы торчком, остряком, а зыбь бьется об них и пенится.

Но отойдешь полверсты, оглянешься – догоняет на всех парусах каменный корабль: прилег на бок, пенит воду.

И Христо стал думать, как это сейчас стоит там в море один этот корабль, и разбивается об него черная осенняя зыбь. А собака ворошилась в ногах и лизала мокрую шерсть, а заодно и хозяйские брюки.

Маяк стоял на конце мола, далеко в море, в воротах порта. Светил красной звездой, не мигая. Христо сжег полкоробка спичек, пока закурил трубку, а маяк не моргнет на штормовом ветру. И кому светить в такую ночь? – никого нет в море. Один только есть корабль...

III.

И вдруг маяк погас на секунду, потом опять мелькнул... опять... И снова загорелся ровным светом. Значит кто-то прошел мимо маяка. Кто-то парусами закрыл маяк. Христо привстал и через дождь и шторм стал пялиться в море.

Неужели парусник, что спрятался в порту, выскочил в ворота на полных парусах? Нет, вот он белеет в углу гавани. И тут Христо заметил в темноте – на минуту совсем ясно – огромные, как облака, паруса и высокий, как дом, корпус. Корабль медленно

входил в порт. Медленно, в шторм, на всех парусах. Он занял половину порта, серый как скала. Молча, без огней, двигался медленно, тяжело, чуть накренившись на бок. Не спуская парусов, он стал посреди порта. Христо дух затаил – смотрел во все глаза.

Элчан-Кайя! Каменный корабль пришел в порт.

Ой, и никто не видит – все заперлись, все спрятались. Один Христо в порту, а в порт пришел Элчан-Кайя. Наутро рассветет, и все увидят. Не устоял Элчан-Кайя в море!

А с каменного корабля спустили шлюпку. Ну да, шлюпку. Вон движется, ползет по воде. Как будто кусок от корабля отломился. Медленно идет. Уж хорошо видать через дождь. Христо спрятался под брезент.

«Пусть, – думает Христо, – меня нет. И сам буду считать, что меня нет».

Запрятал собаку под брезент. Ведь кто их знает, какие там люди?

Старинные турки. Одним глазом смотрит Христо из-под брезента. А шлюпка идет прямо туда, где мешки, где Христо. Теперь уж под самой пристанью. И вот брякнули весла, и стали на пристань вылезать люди. Каменные старинные турки, в каменных чалмах...

Вылезли не спеша. Сорок турок вылезло на берег. Христо знал по-турецки, прислушивался, но ветер рвал голоса: ничего не разобрать. Собака заворчала на них под брезентом. Христо ей морду, что было силы, стиснул меж коленями.

А турки пошли по каменной пристани и дробно стучали тяжелыми ногами. Серые все, как камень Элчан-Кайя.

Прямо в город пошли турки. А впереди высокий, все брюхо широким поясом замотано, из-за пояса кривые ручки торчат – пистолеты. Будто каменные крючки. Ближе прошли от Христо – медленно, тяжело. Еле гнутся каменные ноги, не треплет штормом бороды и все вниз глядят, в землю. На ходу друг о друга стучаются каменным стуком.

Куда пошли турки? Христо слышит, как грохают шаги по мостовой. Войдут в дома, выдавят двери, закаменеют люди от страха и всех греков, всех русских вырежут за ночь турки. Бежать надо, всем сказать, надо в соборе в колокол ударить!

Христо хотел двинуться, да вспомнил, – стоит под берегом турецкий баркас. А глянул в море: полнеба закрыл Элчан-Кайя каменными парусами. И никто не видит. Светит ровно красный маяк. Крепко спят там люди под дождь, под штормовой ветер.

«Нет меня, нет меня на свете, – думает Христо. – Ничего я не видел», – и со всей силой зажмурил глаза. Только слышит сквозь бой зыби, как тяжело толчет в пристань каменная шлюпка.

Прижался Христо к собаке, – все же вместе, все же она живая, теплая. И тут вдруг вспомнил, что осталась в городе жена Фира. Придут турки...

– Не может грек терпеть это! – сказал Христо и стал ползти под брезентом, вдоль мешков, подальше от берега, дальше от шлюпки. Вылез Христо, – хлещет дождь, как стрелы. Собака хвост между ног зажала, смотрит на Христо: куда?

«Да не чудится ли мне?» – подумал грек. Оглянулся и обмер: еще выше стали каменные паруса, еще ближе надвинулся на город Элчан-Кайя.

IV.

И ударился Христо бежать. Напролом – через рельсы, через барьеры, бежал Христо. Гнал его ветер, гнал дождь холодными прутьями. Христо бежал в темноте. Перебежал площадь и тут стал. Дробно по мостовой шаркали каменные ноги.

Христо прижался к стене: по трое, тринадцать рядов прошли старинные турки, а впереди высокий. Газовый фонарь мигал, пламя билось, но Христо увидел, что у высокого одна рука. Другую он нес под мышкой, и она сжимала кинжал. Только не каменная рука была под мышкой у высокого турка, а живая, и кинжал вспыхивал сталью на свету.

Христо пошел за турками, шел поодаль, затаив дух. Боялся будить людей, боялся стукнуть в ворота, чтоб не оглянулись турки. А они прошли город и вышли на большую дорогу. Вот прошли татарское кладбище и встали в круг.

Зажгли каменные факелы. Мутным светом стал огонь и недвижно замер.

Тогда вышли двенадцать турок в круг и стали ятаганами копать

землю.

Выкопали большую яму, круглую могилу. И высокий турок спустился и положил на дно живую руку с зажатым кинжалом. И вот все загудели: запели молитву. Будто обвалились с гор камни и грохочут с раската.

Тут завыл пес. Христо накрыл его полой, но турки пели – не слышали.

Потом все стали разматывать пояса, и посыпалось из поясов золото. В сорок ручьев лилось золото в яму и чуть не до полна насыпали ее турки. Закидали землей, затоптали тяжелыми ногами. Стали опять по три в ряд и пошли. Христо хорошо заметил место и покрался вслед за турками. Глянул – а над городом сквозь темь и дождь, высоко в небе маячат серые паруса. Христо бежал за турками, держался за мокрый картуз и думал:

«Уйдут турки – все золото мое. Никто не видал: кто в такую погоду нос высунет. Скорее бы ушли турки!»

И вдруг подумал:

«А что, если останется один человек, один каменный человек, – стеречь золото?»

– Нет, – сказал Христо. – Нет, я прибегу раньше них на пристань, я всех пересчитаю: ровно сорок их было, если сорок уедет, значит, мои деньги.

И Христо пустился переулками бегом, скорей, в обход к пристани.

Тихонько прокрался к мешкам и заполз под брезент. Дождь перестал уже и не стучал по брезенту, как по железной крыше. Только ветер еще злее рвал с моря и нес брызги на берег.

Христо стал прислушиваться: идут, идут турки. Вот остановились и стали один за другим спускаться вниз. У Христо глаза слезились от ветра, но он не мигал и считал:

– Раз, два... Вот тридцать девять турок спустились в шлюпку. Один остался на пристани – высокий турок. Он обернулся к городу и сказал на крепком старом турецком языке:

– Прощай, город, – сказал турок. – Похоронили мы грехи наши, похоронил я руку, что отсек мне праведный человек, вместе с моим кинжалом непобедимым.

Поклонился городу – чуть не до земли чалмой, и слез в шлюпку.

Христо перевел дух. Шлюпка подошла к кораблю и как вросла в него.

Взметнул Элчан-Кайя парусами над городом, повернулся и полетел каменный корабль из порта. Вышел в море, и растаяли во тьме серые паруса. Powestler